

Господин Торнгаи!

Вот и наступили жаркие дни. Солнце палит так, что кажется, асфальт плавится под ботинками. Какое удовольствие, придя домой со службы, облиться холодной водой и выпить ледяного пива! Эх, сюда бы свежий ветер с пролива Генкайнада! Помните, он дул, когда мы с Вами были на Касинском взморье?

Давно уже у меня на душе не было так спокойно, как сейчас, когда я пишу Вам это письмо. Мы познакомились с Вами в феврале этого года. Прошло семь месяцев с тех пор, как я слушал Ваш рассказ на взморье, дрожа под пронизывающим ветром. Сейчас мне кажется, что время пролетело очень быстро, но это уже сейчас, а пока шло расследование, оно тянулось невозможно долго.

Я не знал ни одного дня отдыха. Зато сейчас на душе покой, словно в тихий солнечный день ранней осени. Наверно, потому, что дело закончилось. Чем труднее дело, тем слаще потом будет отдых. Простите, говорить такие вещи Вам, моему коллеге, который гораздо старше и опытнее, все равно что читать проповедь Будде. Но именно чувство удовлетворения заставило меня снова вернуться к этому делу. Кроме того, это мой долг перед Вами. И моя радость.

Как-то я писал, что камнем преткновения была поездка Тацуо Ясуды на Хоккайдо. Вы тогда прислали мне доброе письмо, в котором поддерживали меня и подбадривали, большое Вам спасибо. Не могу даже передать, как Ваше письмо тогда подняло мое настроение.

Разбилось вдребезги несокрушимое, прочное, как сталь, утверждение Ясуды, будто бы он 20 января выехал с вокзала Уэно экспрессом "Товада", пересел в Аомори на пароход № 17, доехал до Хакодате и оттуда на экспрессе "Маримо" 21 января в 20 часов 34 минуты прибыл в Саппоро. Передо мной, словно несокрушимые крепостные стены, способные выдержать все удары, стояли встреча Ясуды в экспрессе "Маримо" с чиновником губернаторства Хоккайдо, его свидание в зале ожидания Саппорского вокзала с Каваниси и пароходный бланк, заполненный его рукой. Особую трудность представлял пароходный бланк. Все как будто подтверждало истинность слов Ясуды. И ни одного факта, подтверждающего мою версию, что он воспользовался самолетом. В списках пассажиров трех рейсов, Токио - Фукуока, Фукуока - Токио и Токио - Саппоро, не только не удалось обнаружить имени Ясуды, но даже предположение, что он записал вымышленное имя, отпало: проверка показала, что все 143 пассажира существуют в действительности и на самом деле летели этими самолетами. В конце концов не мог же Ясуда превратиться в невидимку! Вот и получалось, что обвинить его невозможно.

Иными словами, все факты полностью подтверждали поездку Ясуды на поезде и полностью отрицали самолет.

Но мне казалось подозрительным, почему он назначил Каваниси встречу в зале ожидания вокзала, и я решил, что он опасался опоздания самолета из-за погоды. Ведь если часть пути он летел на самолете, он мог успеть на поезд, идущий из Саппоро в сторону Отару, а в Отару выйти и пересест на экспресс "Маримо". Проверил, откуда была отправлена телеграмма. Оказалось, что пассажир попросил проводника отправить телеграмму на станции Асамуси (последняя остановка перед Аомори). Проводник запомнил внешность этого человека и его спутника. Удалось установить, что телеграмму ему передал некий Сасаки, секретарь отдела министерства Н. сопровождавший своего начальника, заведующего сектором того же министерства Есио Исиду.

Так все и выяснилось. Когда я еще раз проверил пароходные бланки, то снова нашел там

фамилии Исиды и Ясуды. Китаро Сасаки там не было, он зарегистрировался как Тацуо Ясуда. Мы допустили большую оплошность, не сообразив сразу, что Исида ехал в командировку с сопровождающим.

Что же касается почерка, то позже удалось установить, что Ясуда приготовил бланк еще за полмесяца до этого..

Получить чистый бланк очень просто. Они лежат у окошка паровой кассы на пристани, их можно взять сколько угодно. Один из подчиненных Исиды ездил раньше в командировку и по его просьбе привез ему чистый бланк, который тот и передал Ясуде. Дальше я объясню отношения Исиды и Ясуды. А мы-то ломали голову, как попала на бланк собственноручная подпись Ясуды!

Так была опровергнута версия Ясуды относительно поезда. Теперь оставался самолет. Я заметил, что тут все получается наоборот. Если в первом случае все факты, казалось, подтверждали поездку, то во втором – все отрицало ее.

Пришлось снова проверить всех ста сорока трех пассажиров трех рейсов. Мы разделили их по профессиям и выделили одну, нас интересующую. Таких набралось человек пять-шесть. Это были служащие фирм, тесно связанных с министерством N. Мы тщательно и строго опросили их всех, и, наконец, трое из них признались.

В списках значилось, что из Токио в Фукуоку летел господин А, из Фукуоки в Токио – господин Б, а из Токио в Саппоро – господин В. На самом деле они не летели в этих самолетах. Во время опроса они поняли, что в конце концов все выяснится, и признались. Оказывается, эти люди разрешили воспользоваться своими фамилиями по просьбе заведующего отделом Исиды. Он предупредил каждого: "Человек едет в особо секретную командировку, поэтому, если полиция заинтересуется, обязательно подтвердите, что вы летели этими-самолетами.

Никаких неприятностей не будет".

Тогда было в самом разгаре расследование дела о взяточничестве. И все трое подумали, что командировка для того и предпринимается, чтобы замять это дело. Конечно, они согласились – ведь интересы их фирм тесно переплелись с интересами министерства. Действительно, после этого случая все три фирмы с помощью Исиды заключили договоры о поставках на очень выгодных для себя условиях.

Итак, Тацуо Ясуда летел на самолетах в направлениях Токио – Фукуока, Фукуока – Токио, Токио – Саппоро под фамилиями господ А, Б и В. Он воспользовался тремя разными фамилиями, потому что три одинаковые сразу могли бы навести на подозрения. Ясуда предусмотрел все, предполагая возможность расследования.

Таким образом, нам удалось доказать, что он все-таки ездил в Хакату.

Оставался один вопрос: две официантки "Коюки" видели отъезд Кэнити Саямы и О-Токи на экспрессе "Асакадзэ".

Зачем Ясуде понадобились эти очевидцы?

Мы не имели никаких данных, подтверждающих близость О-Токи и Саямы.

О-Токи была умной женщиной и умела скрывать свои связи. Если официантки "Коюки" и подозревали, что у нее есть любовник, то, кто он, никто не знал. В доме, где она снимала

комнату, тоже сказали, что ей иногда звонил мужчина, но он никогда к ней не приходил. Следовательно, О-Токи, по-видимому, тщательно скрывала, кто ее любовник. Ну, а после самоубийства на Касийском взморье все решили, что это Кэнити Саяма.

Однако во всем этом была одна странность.

2

Если между ними действительно существовала близость, зачем понадобилось Ясуде показывать это очевидцам? Хотел иметь свидетелей, что любовники сели в экспресс "Асакадзэ" и отправились на Кюсю?

Но почему именно экспресс "Асакадзэ"? Ведь на Кюсю идут десятки поездов.

А поскольку их нашли на Касийском взморье, то и не могло быть сомнений, что они отправились на Кюсю. Значит, причина не в этом.

Ясуда преследовал одну цель – он хотел показать очевидцам, что О-Токи и Саяма вместе садятся в поезд. Ради этого он и положил столько сил, и пригласил официанток обедать, и потащил их на вокзал. Ему были необходимы свидетели, что Саяма и О-Токи – любовники.

Странно. Зачем же доказывать очевидные вещи? Поразмыслив над этим, я пришел к противоположному выводу: Саяма и О-Токи не были любовниками. Именно поэтому Ясуда и хотел, чтобы кто-нибудь подтвердил их близость.

В связи с этим я вспомнил Ваше предположение, сделанное по поводу счета вагона-ресторана с надписью "обслужен один человек". Вы заподозрили, что Саяма прибыл в Хакату один. Разрешите еще раз выразить мое восхищение остротой Вашей мысли! Мне очень помог Ваш рассказ о возникшем у Вас подозрении и о психологии людей, любящих друг друга, которую Вам помогла понять Ваша уважаемая дочь. Как потом выяснилось, О-Токи действительно сошла на полпути, и Саяма приехал в Хакату один. Они не были любовниками, и между ними вообще не существовало никаких отношений.

Ясуда, постоянный клиент "Коюки", часто приглашал туда своих знакомых, связанных с ним по делам. Саяма в "Коюки" никогда не был, но, вероятно, знал О-Токи. Очевидно, они все втроем где-то встречались, хотя никто об этом не подозревал. Поэтому Саяма и О-Токи, как хорошие знакомые, весело болтали, садясь в поезд. Действительно, со стороны могло показаться, что влюбленные отправляются путешествовать. Именно этого и добивался Ясуда. Поэтому он и подстроил, чтобы они оба поехали на одном и том же поезде – экспрессе "Асакадзэ". Видно, в его силах было заставить их это сделать.

Но тут у Ясуды возникло одно затруднение. Ему обязательно хотелось показать Саяму и О-Токи официанткам "Коюки". Нельзя же прямо подвести очевидцев к составу! Ведь очевидцы должны увидеть любовников случайно, все должно выглядеть совершенно естественно. С пятнадцатого пути отходят поезда дальнего следования; если прямо пойти туда, это будет шито белыми нитками.

Отъезжающих надо показать очевидцам с другой платформы. Разумнее всего использовать для этой цели платформу у тринадцатого пути, откуда идут электрички на Камакуру. Отлично, Ясуда едет к жене! Все естественно, у официанток не возникает никаких подозрений!

Однако здесь была еще одна трудность. Ведь с одной платформы трудно увидеть другую. Между ними всегда стоят составы. Об этом я уже писал Вам. И вот Ясуда обнаруживает, что

есть такой момент, когда с платформы пригородных поездов можно увидеть пятнадцатый путь. В это время там стоит экспресс "Асакадзэ", отправляющийся на Кюсю. Его видно всего лишь в течение четырех минут, с 17.57 до 18.01. Драгоценные четыре минуты!

Поэтому он и выбирает "Асакадзэ", а не любой другой поезд направления на Кюсю. Ясуда был гениален в своей находке этих самых четырех минут, создавших впечатление случайности. Даже среди служащих Токийского вокзала, пожалуй, не найдется ни одного, кто знает об этих четырех минутах.

Таким образом, я пришел к выводу, что поездка Саямы и О-Токи была подстроена Ясудой. Но тут существовало одно совсем уже невероятное обстоятельство – почему эти двое через шесть дней вместе, как влюбленные, покончили жизнь самоубийством на Касийском взморье. Ведь они оба приняли цианистый калий. Лежали рядом, совсем близко, почти обнявшись. Не вызывало сомнений, что это самоубийство влюбленных, самоубийство по сговору. Это подтверждали материалы следствия, описание места происшествия, фотографии.

Непонятно. Как же это произошло, если они не были любовниками?! Даже если предположить, что Ясуда приказал им покончить счеты с жизнью, вряд ли найдутся такие дураки, которые по чьему-то приказанию согласятся играть роль влюбленных с таким трагическим финалом. Очевидно, они все-таки были настолько близки, что решили вместе умереть. Получалось неразрешимое противоречие.

В то же время, если их поездка подстроена Ясудой, то самоубийство становится сомнительным. Однако невозможно отрицать самоубийство, оно доказано. Вот и ломай тут голову.

И все же, если они поехали по указанию Ясуды, то во всем случившемся незримо присутствовала его рука. Я никак не мог отделаться от этого настойчивого, хотя и смутного, чувства. Даже тогда, когда я ездил в поездку на Хоккайдо, мне казалось, что я вижу тень Ясуды на Касийском побережье. Не знаю, что он делал. Нельзя же предположить, что он загипнотизировал обоих и заставил покончить самоубийством. А люди в здравом рассудке, которые не влюблены друг в друга, которые не любовники, не станут умирать, как любовники. И все же я упрямо ухватился за нить – Ясуда был на месте происшествия – и потянул ее.

К счастью, удалось опровергнуть версию Ясуды о поездке на Хоккайдо. Было доказано, что он 20 января в 19.20 прибыл самолетом в Фукуоку, следовательно, мог находиться на Касийском взморье в момент самоубийства Саямы и О-Токи. Но как только я пытался связать поездку Ясуды с самоубийством, передо мной снова вырастала несокрушимая стена.

В таком мучительном состоянии я однажды пошел в кафетерий. Я очень люблю кофе. Даже мой начальник подтрунивает надо мной по этому поводу. Я всегда хожу в кафетерий на улице Юракуте, но на этот раз лил сильный дождь, и я зашел в ближайшее кафе.

В этом кафе зал находится на втором этаже. В подъезде я столкнулся с девушкой и, естественно, пропустил ее вперед. Она была в ярком дождевике.

Отдала зонтик в гардероб под лестницей. Вслед за ней протянул зонтик и я.

Гардеробщица, видно, решила, что мы вместе, связала наши зонтики и протянула один номерок. Девушка слегка покраснела, а я поспешно сказал:

- Нет-нет, мы не вместе!

Гардеробщица извинилась, развязала зонтики и дала второй номерок.

Очевидно, Вы думаете, что я отвлекся, вспомнив лестную для меня ошибку гардеробщицы. Но этот случай дал толчок моим мыслям. Когда я поднимался по лестнице на второй этаж и потом некоторое время сидел над чашкой кофе, не дотрагиваясь до нее, у меня зародилось новое подозрение.

Гардеробщица приняла нас за парочку только потому, что мы вошли вместе.

Что ж, вполне естественно. Наверно, каждый бы так подумал. Она ведь ничего про нас не знала, только увидела, что мы вместе вошли, стоим рядом, и быстро сделала свои выводы. Вот это мне и послужило намеком!

Все мы, простите, и работники Вашего управления полиции, и Вы в том числе, и я пришли к выводу, что Саяма и О-Токи покончили самоубийством по взаимному соглашению, как любовники, только потому, что их тела обнаружили рядом. Но я вдруг понял, что они умерли в разных местах. Уже после их смерти трупы положили рядом. По-видимому, кто-то дал Саяме цианистый калий, и он умер. О-Токи тоже дали цианистый калий. А потом уже положили рядом их тела.

Саяма и О-Токи – это два разных пункта одного и того же дела. А мы связали их одной нитью только лишь потому, что обнаружили рядом их тела. В то же время такой вывод напрашивался сам собой. Ведь это старая традиция влюбленные, которые не могут соединиться, вместе по сговору, по взаимному согласию уходят из жизни. С древних времен в Японии находят десятки, сотни трупов влюбленных самоубийц. И всегда они лежат рядом, так, как лежали О-Токи и Саяма. И это ни у кого не вызывает сомнения. А когда выясняется, что имеет место самоубийство по сговору, осмотр трупов и вскрытие проводятся не так тщательно. Ведь все ясно. И нет никаких мотивов для возбуждения дела.

Вот на это и рассчитывал Ясуда.

Я запомнил Ваши слова, что люди часто проходят мимо фактов, которые кажутся само собой разумеющимися. Очень правильные слова. Мертвые мужчина и женщина лежат рядом. Само собой разумеется, это самоубийство влюбленных. У нас давно сложилось такое предвзятое мнение. Именно этим и воспользовался преступник.

Он знает, что ему удастся провести полицию. Но все-таки он неспокоен.

Ведь между Саямой и О-Токи не существует никакой любовной связи.

Следовательно, надо постараться доказать обратное. Требуются свидетели их близких отношений. Для этого он показывает мнимых любовников двум официанткам. Они видят, как Саяма и О-Токи идут по перрону, дружно беседуя, вместе садятся в поезд. Вот вам и подтверждение их близости. Сердце преступника в постоянной тревоге – не упустил ли он чего-нибудь?.. И Ясуда тщательно все продумывает, все взвешивает. Обнаруживает возможность создания "четырехминутных очевидцев".

Да, кстати, это преступление от начала до конца построено на расписании поездов и самолетов. Просто утопаешь в железнодорожных линиях, в точках отправления и прибытия, в цифрах. Что ж, Ясуда отлично изучил все расписания. Это сразу чувствуется. И начинает казаться, что план разработал человек, который долгое время постоянно испытывал особый интерес к расписаниям.

Как умерли Саяма и О-Токи, расскажу после.

А сейчас продолжу свою мысль. Перед моими глазами возникает отчетливый образ одной женщины. Она питает особое пристрастие к расписаниям движения транспорта. Даже опубликовала в одном журнале очерк на эту тему. Очерк полон лиризма. Очевидно, такая сухая и скучная вещь, как расписание, в которое без особой нужды никто и не заглядывает, для автора интересней любого романа.

Для этой женщины из однообразных колонок цифр рождается поэзия путешествий и возникают бесконечные образы. Она уже давно больна туберкулезом, лежит в постели, и для нее расписание стало своеобразным спутником жизни, как библия для христианина, и увлекательным чтением, как книги древних классиков. Ее зовут Реко. Она живет и лечится в Камакуре. Эта женщина – жена Тацуо Ясуды.

Говорят, что у людей, страдающих легкими, ум становится болезненно обостренным. Вот и мне показалось, что Реко Ясуда постоянно что-то обдумывает. Вернее даже, рассчитывает, сплетая и расплетая в своем воображении бесконечные сочетания цифр, словно составляя некий график, где невидимые линии скрещиваются в невидимых точках.

И я подумал, что, может быть, разработка всего этого тонкого плана принадлежит не Ясуде, а Реко.

Вспомнились две пары, которые видели на станциях Касели и Западный Касии.

Одна пара, разумеется, Саяма и О-Токи. А вторая... Что, если это Ясуда и его жена Реко?.. Такой ход мысли вполне допустим. Правда, потом оказалось, что здесь я немного ошибся.

В своем письме Вы упоминали таинственную даму, сопровождавшую Ясуду, и высказывали предположение, что, очевидно, ему понадобился какой-то сообщник, человек абсолютно верный, без которого задуманная операция была бы неосуществима. Тогда я полностью согласился с Вами. Когда мне пришла в голову мысль, что эта загадочная незнакомка – жена Ясуды, я решил разузнать о ней поподробнее.

Она больна и почти все время проводит в постели. Пусть она разработала план, но могла ли она принять участие в его осуществлении? Иными словами, у меня возникло сомнение, под силу ли ей была поездка на Кюсю.

Я отправился в Камакуру и побеседовал с ее лечащим врачом. Он сказал, что Реко выходит на улицу, а иногда даже ездит к родственникам в Югавару. Я попытался узнать, что она делала в двадцатых числах января. Выяснилось, что с 19 по 21 января ее не было в Камакуре. Установить это мне помогла запись в ее истории болезни. Врач посещает Реко два раза в неделю. Один такой визит был датирован 22 января. В тот день у Реко повысилась температура, и врач расспросил пациентку о ее самочувствии накануне. Она ответила, что с 19 числа гостила у родственников в Югаваре и вернулась только сегодня утром и устала от дороги.

Я страшно обрадовался. Действительно, если выехать вечером 19-го, то 20-го утром будешь в Хакате. Значит, она вполне могла успеть на место самоубийства к вечеру того же дня. Очевидно, она обманула врача и была не в Югаваре, а на Кюсю.

3

Реко договорилась с шофером, чтобы он довез ее до Югавары. Но когда они доехали до Югавары, она попросила отвезти ее дальше, в Атами. Шофер показал, что доставил ее до гостиницы "Кайфусо" в Атами и вернулся в Камакуру.

Я подпрыгнул от радости. Тут же помчался в Атами, прямо в "Кайфусо".

Выяснилось следующее.

Реко Ясуда попросила провести ее к женщине, остановившейся в номере "Клен". Эта женщина прибыла в гостиницу 14 января в девятом часу вечера и жила уже пять дней. По возрасту и описанию внешности я узнал О-Токи. В книге постояльцев, разумеется, значилась вымышленная фамилия. Там было написано Юкико Сугавара. Если вы помните, Саяма тоже зарегистрировался как Сугавара.

И жена Ясуды сразу попросила провести ее к Сугавара-сан. Следовательно, между Саямой, О-Токи и Реко существовала предварительная договоренность.

Вернее, все было так подстроено по плану Реко. Обе женщины поужинали в номере и около 9 часов вечера покинули гостиницу. По счету уплатила Реко.

О-Токи прибыла в гостиницу 14 января, в начале девятого. Конечно, она приехала на "Асакадзэ", ведь этот экспресс останавливается в Атами в 19.58.

Следовательно, до Атами она доехала вместе с Саямой, а потом сошла с поезда.

Таким образом, Ваше предположение, построенное на основании счета вагона-ресторана, подтвердилось.

Итак, 19 января около десяти вечера две женщины покинули гостиницу. Если заглянуть в расписание, то выяснится, что в 22.25 из Атами на Хакату уходит экспресс "Цукуси". В Хакату он прибывает на следующий день в 19.45.

Все точно совпадает. Ведь Саяме в гостиницу "Танбая" женщина позвонила около восьми вечера. Значит, сойдя с поезда, они тут же вызвали Саяму.

Это было легко выяснить. А дальше опять возникли затруднения. Кто звонил Саяме – О-Токи или Реко? Разумеется, сначала все мы думали, что О-Токи. Но тогда концы не сходятся. Ведь между Саямой и О-Токи не существовало никаких отношений, вряд ли он бы стал ее слушаться. И с другой стороны, он почти неделю ждал телефонного звонка, вряд ли от О-Токи. Очевидно, звонила Реко.

Ведь Реко жена Ясуды, следовательно, она могла заменить его. Иными словами, Саяма ждал прибытия Ясуды.. И если Реко сказала, что звонит по его поручению, Саяма должен был сразу же отправиться, куда укажут.

Очевидно, Реко завела разговор на волнующую его тему. Она заманила его на Касийское взморье, наверно, сказала, что необходимо соблюдать строжайшую тайну, вот и нужно пойти в безлюдное место. Разумеется, Касийское взморье было намечено заранее.

Саяму в то время больше всего волновало расследование дела о взяточничестве. Ведь через руки помощника начальника отдела проходили все дела, и следствие вот-вот должно было до него добраться. Очевидно, Исида устроил Саяме отпуск", чтобы тот скрылся в Хакате. Теперь выяснилось, что Исида был главной фигурой в деле о взяточничестве. Если бы Саяму арестовали, то он сам попал бы под удар. Вот он и уговорил Саяму на время исчезнуть. Он и распорядился относительно его отъезда на экспрессе "Асакадзэ" 14 января.

Исида приказал Саяме ждать его дальнейших распоряжений, которые ему передаст Ясуда.

Приказанию шефа Саяма подчинился с готовностью.

Добросовестный Саяма просто боялся, что его показания повредят начальству, которое ему покровительствует. Среди мелких чиновников часто встречаются люди такого типа. Случается, что подобные им, чтобы выгородить начальство, даже кончают жизнь самоубийством. Преступник и имел в виду такую вероятность.

Наверно, Исида сказал Саяме, что, мол, пока Ясуда будет стараться замять дело, ты посиди в Хакате. Вот Саяма и ждал с нетерпением, когда тот появится. Вместо Ясуды по его поручению приехала Реко. Конечно, Саяма бывал в их доме в Камакуре и хорошо знал жену Ясуды. Я даже думаю, Ясуда специально его пригласил, чтобы познакомить с Реко.

Итак, Реко и Саяма вместе приехали из Хакаты на станцию Касии и направились на взморье. Они шли и не знали, что за ними следуют Ясуда и О-Токи. То есть не знал один Саяма. Реко сказала ему, что все складывается хорошо и он может успокоиться. Саяма повеселел. С моря дул холодный ветер.

"Согрейтесь", – предложила женщина и протянула ему фляжку с виски. Саяма всегда был не прочь выпить. Ничего не подозревая, он отхлебнул глоток и тут же рухнул на землю. В виски был цианистый калий. Бутылку с остатками фруктового сока, содержавшего цианистый калий, подбросила Реко, чтобы толкнуть следствие на ложный путь.

На небольшом расстоянии за ними следовали Ясуда и О-Токи. Ясуда только что прилетел, в 19.20, и, очевидно, где-то встретился с О-Токи. Наверное, они заранее условились о месте встречи. Скорее всего девушке сообщила об этом Реко. Ясуда вел О-Токи по берегу моря. Она огляделась вокруг и сказала:

"Какое, однако, унылое место". Эту фразу слышал прохожий.

Тоскливое, безлюдное взморье. Непроглядная ночь, и две черные тени...

О-Токи немножко страшно. Ясуда подбадривает ее: "Сделай глоточек виски..." И она тоже падает. А потом Ясуда поднимает на руки бездыханное тело О-Токи, несет во тьму и кладет рядом с телом Саямы. Во мраке маячит фигура Реко.

О-Токи убили неподалеку, на расстоянии 20 – 30 метров от места первого преступления. Разумеется, она ничего не видела. Вокруг была черная ночь.

Когда Ясуда убедился, что О-Токи мертва, он, наверно, громко позвал:

"Э-э-эй, Реко-о!" Из мрака раздался ответный крик: "Я здесь! Сюда!" И Ясуда, подхватив на руки труп О-Токи, пошел на голос жены. У ее ног лежал бездыханный Саяма. До чего же жуткая картина!

Теперь остановимся на рельефе местности. Вы показали мне Касийское взморье. Скалистый берег, сплошной камень. Никаких следов не останется, если даже тащить тяжелую ношу. По-видимому, Ясуда не раз бывал в этих местах и заранее решил совершить убийство на побережье Касии.

Идея инсценировать самоубийство принадлежала обоим супругам Ясуда. Реко не только разработала план, но и половину операции взяла на себя. О-Токи слепо повиновалась Ясуде и его жене.

Вызывают недоумение отношения О-Токи с супругами Ясуда. Однако из вышеизложенного вполне можно допустить, что между ней и Тацуо Ясудой была давнишняя близость. Эта связь хранилась в глубокой тайне, и никому из посторонних не была известна. Они познакомились в ресторане "Коюки". Ведь О-Токи была "дежурной" официанткой Ясуды. Он и был тем человеком, который иногда звонил ей и с которым она где-то проводила ночи.

Самое удивительное – это поведение Реко. Как могла она поддерживать хорошие отношения с О-Токи, любовницей мужа, следовательно, своим врагом?! А ведь она была у нее в гостинице, ехала с ней вместе в поезде.

Я догадался, что Реко все известно, вспомнив, что она платила за О-Токи в гостинице. И не только известно, очевидно, она ежемесячно своими собственными руками посылала пособие О-Токи. Вероятно, тяжелобольной Реко запретили близость с мужем. Итак, О-Токи была официальной любовницей Ясуды.

Какие дикие отношения! Нам такое и представить трудно. Правда, в старину, в эпоху феодализма, подобные отношения считались нормальными.

Очень может быть, что сначала Ясуда с женой собирались убить одного Саяму, тоже инсценировав самоубийство. Однако это было опасно. Ведь не останется никакой записки. Кто поверит, что это самоубийство? И вот появилась идея – самоубийство влюбленных по сговору. В таких случаях обычно расследования как такового и не производится. Медицинская экспертиза тоже бывает довольно поверхностной. И как правило, не возбуждается никакого дела.

Бедная О-Токи! Ей выпала роль партнерши в этой кровавой драме.

Очевидно, у Ясуды не было особого чувства к О-Токи. А найти другую любовницу не составляло труда. Реко рассматривала О-Токи как некий неодушевленный инструмент в руках мужа, а заодно сделала ее и необходимым инструментом в задуманной операции. Разумеется, в глубине души она питала неприязнь к О-Токи. Страшная женщина! Не только острый и холодный ум, но и сердце холодное, как лед. Она привела в порядок платье мертвой О-Токи, надела на ее ноги чистые таби, чтобы не было заметно, что труп ее волокли по земле. Все продумала до конца.

В эту ночь супруги заночевали в Хакате, утром Ясуда вылетел в Токио, а Реко на поезде вернулась в Камакуру.

Ясуда не поехал в Хакату сразу вслед за Саямой и О-Токи. Это было опасно.

Он оставался в Токио еще целых шесть дней и почти каждый вечер появлялся в "Коюки". С непроницаемым видом выслушивал сплетни официанток об О-Токи, которая отправилась путешествовать с любовником. Он принял все меры, чтобы создать впечатление, будто не имеет никакого отношения к этой парочке.

Поэтому он и заставил О-Токи прожить пять дней в Атами.

Таким образом, Ясуда убил Саяму по поручению своего покровителя, заведующего отделом Исиды. Для сохранения его благополучия. После этого вздохнул с облегчением не один только Исида. Успокоились и другие начальники Саямы. А Ясуда тем самым облагодетельствовал Исиду и сделал этого крупного чиновника своим вечным должником.

Отношения Ясуды и Исиды были гораздо глубже, чем предполагали посторонние. Ясуда,

очевидно, мертвой хваткой вцепился в горло заведующего отделом, стремясь расширить свои поставки для министерства N. В ход было пущено все: подарки, угощение, взятки. Исида по натуре корыстолюбец и стяжатель, недаром он оказался центральной фигурой этого дела о взяточничестве. В то время Ясуда не вел особенно крупных дел с министерством, поэтому следствию и не удалось установить, насколько тесно он связан с Исидой. Ясуда, надеясь на будущие выгоды, сначала покори́л заведующего своим природным обаянием и светскими манерами, а потом уж насел на него по-настоящему. В трудную минуту он предложил свои услуги. И вот помощника начальника отдела Саямы, который держал в руках все ключи от дела о взяточничестве, больше не существует. Скорее всего Ясуде первому пришла в голову мысль избавиться от Саямы.

У Исиды поначалу не было намерения убить Саяму. Он просто хотел довести его до самоубийства. Так обычно и делается при подобных обстоятельствах.

Однако это оказалось невозможным. И тут Ясуда замыслил убийство, замаскированное под самоубийство. Самоубийство выглядит гораздо убедительней, если его совершают не в одиночку, а с возлюбленной, по сговору. Если умирает один человек, очень легко заподозрить насильственную смерть. А если мужчина умирает вместе с женщиной, гораздо меньше оснований для подозрений. Ясуда точно учел психологию следователей. Ведь и на самом деле полиция пришла к ложным выводам.

Исида, возможно и не подозревая, что готовится убийство, подчиняется Ясуде, достает ему пароходный бланк, специально едет в инспекционную поездку на Хоккайдо, уговаривает трех людей разрешить Ясуде воспользоваться их фамилиями при регистрации пассажиров самолетов. Конечно, для крупного министерского чиновника пара пустяков устроить себе командировку. А уж заманить в сети какого-то там делопроизводителя вообще ничего не стоит.

Очевидно, впоследствии, когда Исида узнал, что "Саяма вместе с женщиной покончил самоубийством", краска сбежала с его лица. Он понял, что обоих убил Ясуда. Тут уж, я думаю, роли окончательно переменились, и командовать стал Ясуда. А заведующий сектором только трясся от страха. Наверное, по указанию Ясуды он отправил в департамент полиции своего подчиненного Сасаки, чтобы дать свидетельские показания в его пользу. Впрочем, эти показания и стали началом его конца.

Поистине страшной была роль Реко. Она сама разрешила Ясуде иметь любовницу, но эта женщина всегда была ее врагом. Ведь Реко, из-за своей болезни лишившаяся физической близости мужа, должно быть, постоянно терзалась тайной, но острой ревностью. И вот наступил какой-то момент, когда бледное, как мерцание фосфора, пламя разгорелось в настоящий пожар. Конечно, жаль Саяму, но настоящей жертвой в этом деле оказалась О-Токи. Да я думаю, что и Ясуда под конец уже так запутался, что перестал понимать, что главное – убийство Саямы, благодаря которому он мог окончательно забрать в руки Исиду, или убийство надоевшей ему О-Токи.

Все вышеизложенное я написал на основании своих предположений и на основании завещания супругов Ясуда.

Да, и Тацуо Ясуда и Реко умерли. Когда мы поехали в Камакуру с ордером на их арест, они лежали мертвые. Оба приняли цианистый калий. На сей раз это было настоящее самоубийство, а не инсценировка.

Ясуда понял, что его загнали в ловушку. И он вместе с женой, состояние которой в последнее время сильно ухудшилось, наложил на себя руки. Ясуда не оставил никакой записки, только

Реко написала предсмертное письмо.

Она написала, что они умирают, так как не в силах жить с постоянным сознанием вины после совершенного преступления. Не знаю, так ли это. Мне не верится, что такой жизнелюб, как Ясуда, человек деятельный, полный энергии, мог покончить с собой. Мне кажется, что Реко, которой жить оставалось очень мало, под конец прибегла к какой-нибудь хитрой уловке и заставила мужа последовать за ней на тот свет. Ведь она женщина именно такого типа.

Но, по правде говоря, я вздохнул с облегчением, когда они умерли. Вы спросите почему? Да потому, что в этом деле нет ни одной прямой улики, а одни только косвенные. Я даже удивился, что господин прокурор выдал ордер на арест. Неизвестно, во что бы еще вылился судебный процесс.

Если говорить об отсутствии прямых улик, то против заведующего сектором министерства N их тоже не было. Правда, из-за этого самого дела о взяточничестве он лишился места и переведен в другой департамент, но что самое удивительное – теперешний его пост еще выше прежнего! Идиотизм, с точки зрения каждого нормального человека, но, как видно, государственная служба вещь загадочная и непонятная. В будущем Исида, возможно, станет начальником департамента министерства, заместителем министра, а может, проскочит и в депутаты парламента. Вызывают жалость его подчиненные, на костях которых он построил свою карьеру. Ведь мелкие чиновники буквально тают, когда их ласкает начальство, и готовы стать любым орудием в его руках.

Даже сердце начинает болеть, когда подумаешь, на что они идут ради так называемой карьеры! Ах, да, секретарь отдела Китара Сасаки, сослуживший хорошую службу Исиде, стал теперь начальником отдела министерства. Нам остается только молча наблюдать – ведь супругов Ясуда уже нет на свете, и ничего доказать невозможно.

Какой-то неприятный осадок после этого дела у меня все-таки остался. И вот сегодня сижу дома, отдыхаю, попиваю ледяное пиво, охлажденное в колодце, но нет у меня чувства той удовлетворенности, какое испытываешь, завершив расследование дела и передав преступников в руки прокурора.

Извините, письмо получилось очень длинным. Вам, наверное, уже наскучило его читать.

Осенью возьму отпуск и, воспользовавшись Вашим приглашением, приеду с женой .на Кюсю... Так хочется спокойно отдохнуть! Желаю Вам здоровья, остерегайтесь жары.

С глубоким уважением Киити Михара.

Примечание автора Расписание поездов и самолетов в тексте дано по состоянию на 1957 год, когда проводилось расследование этого дела.

<http://tl.rulate.ru/book/2217/42555>